

РУССКИЙ ЯЗЫК ИСЛАМА: ФЕНОМЕН ПЕРЕКЛЮЧЕНИЯ КОДА

КЕМПЕР Михаэль

Ph.D., профессор, Амстердамская исследовательская школа транснациональных и европейских исследований, Амстердамский университет (NL-1012 VB, Амстердам, Spuistraat, 134, Нидерланды).
E-mail: m.kemper@uva.nl

Аннотация. В статье поднимается ряд вопросов, касающихся появления исламской версии русского языка, которую мы называем «исламским русским социолектом». Этот социолект имеет, по крайней мере, два основных варианта, которые описаны здесь как «русизм» и «арабизм». Особый интерес представляют процессы переключения кода между этими двумя вариантами, а также взаимодействия между «коренными» исламскими языками в Российской Федерации (например, татарским и аварским) как языками – донорами терминов исламских концепций арабского происхождения и русским языком, религиозная лексика которого в значительной степени основана на церковнославянском языке.

Ключевые слова: русский язык, ислам, религиозный социолект, code-switching, татарский язык.

Русский язык стал языком Ислама в Российской Федерации. Все, кто пишет на исламские темы на русском языке, постоянно переводит тексты или термины «традиционного» исламского языка (арабского, татарского, аварского и т.д.) на русский язык. В данной статье я рассмотрю некоторые аспекты этого перевода с одного языка на другой. Центральным (основным) в этом исследовании является то, как исламские авторы переключаются с одного кода на другой. В то время как в традиционной лингвистике термин «переключение кода» в основном используют для описания возможного перехода с одного языка на другой в пределах одного речевого акта (например, человек начинает предложение на татарском языке, затем переключается на русский, и заканчивает снова в татарском), в этой работе я использую этот термин для других явлений применительно к письменным текстам.

Наша исследовательская группа в Амстердамском университете в сотрудничестве с учеными из Лейдена, Санкт-Петербурга и Парижа занимается вопросом, который формулируется следующим образом: можем ли мы говорить о возникновении «исламского социолекта» русского языка,

т. е. используют ли мусульмане особую форму русского языка, когда они говорят о религиозных аспектах? Мы считаем, что прогрессивная кодификация исламских терминов в русском языке, как в формах русского, так и в арабских заимствованных словах, приводит к новому варианту русского языка, который является больше, чем просто амальгамой русского языка и случайных слов арабского происхождения¹.

С нормативной позиции явление нового «исламского социолекта» русского языка может рассматриваться как плачевное. Так, например, С. Р. Усеинова утверждает, что почти все исламские понятия легко могут быть выражены русскими терминами и не следует искусственно вводить арабские формы в русский текст. Введение арабизмов, непонятных для общества в целом, приводит к самоизоляции тех, кто говорит на этом жаргоне, возможно, способствует радикализации молодежи и, таким образом, является поводом для опасений².

С другой стороны, русские религиозные термины происходят от православных корней, и в конечном итоге — от церковнославянского языка; при использовании этой церковной лексики исламские нюансы могут быть искажены или не полностью раскрыты. Поэтому мы предпочитаем описательный подход и считаем, что существующий «исламский социолект русского языка» должен быть рассмотрен в своих собственных терминах, а не с нормативной позиции. Такой лингвистический анализ, конечно, может дать интересные подробности о работе социальных механизмов.

Code-Switching I: Перевод исламских концептов на русский язык «русизмами» и «арабизмами»

Первостепенной задачей является отображение поля и определение общих тенденций в использовании русского языка для исламских концептов. Давайте сравним следующие два текста (оба составлены мною). И, пожалуйста, не смотрите на содержание, только на форму:

Нас интересует, как ученые России пишут о межконфессиональных отношениях. Как священнослужители беседуют о теологических проблемах, например о сущности Всевышнего и Его атрибутах. Мы также интересуемся, как мусульманские приходы воспринимают массовое просвещение о правильных догмах ислама и антисектантскую профилактику, проведенную там Духовными управлениями традиционного для России ислама. Какое толкование священных писаний, какие изречения Пророка ислама (да благословит Его Всевышний и приветствует!) помогают молодежи в наших семинарах не сбиться с пути правоверных сподвижников?

¹ Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia /A.K. Bustanov, M. Kemper, eds. Amsterdam: Pegasus, 2012.

² Усеинова С.Р. На каком языке говорят мусульмане в России? // Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции /отв. ред. Т.Г. Туманян. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2013. С. 108.

Я написал этот текст в том варианте исламского русского языка, который мы называем «русизмом». Текст, безусловно, об исламе, но в нем практически нет ни одного слова арабского происхождения. Исламские понятия и арабские термины были переведены на русский их религиозными эквивалентами; и они чаще всего церковнославянского происхождения. Вы также видите, что некоторые термины взяты из административного дискурса русского языка или даже из медицинского — например, «профилактика».

Далее я скажу то же самое, но в варианте «арабизма»:

Мы изучаем как улама делают иджитхад на пути Аллаха та'ала для разъяснения правильных отношений с ахл аль-китаб. Например, как хазраты беседуют о вопросах калама, о вуджуде Аллаха тагала и о Его сифатах. Мы тоже интересуемся, как в местных махаллах воспринимают таблиг Ахл ас-сунна вал-джама'а, направленный против тех фирак, которые приписывают себе статус ахл ат-таухид, но на самом деле способны фитне в Российской Умме. Какие формы тафсира, какие хадисы Расула (салла Аллах 'алайхи ва-саллам) помогают мутааллимам в наших мадрасах не сбиться с пути Салаф-и салих?

Во втором тексте — то же самое содержание, как и в первом, но использованы арабские термины вместо русских/церковнославянских эквивалентов для стольких религиозных терминов, сколько это было возможно. Результатом является другой вариант исламского русского языка, который мы называем «арабизмом». Интегрировать арабские термины в русский текст сравнительно легко, потому что русский язык является очень продуктивным в том смысле, что в него легко интегрировать иностранные слова согласно русскому синтаксису, подвергая их российским грамматическим категориям («куфр», в родительном падеже — «куфра», в дательном — «куфру» и т. д.).

Для многих мусульман первый вариант может показаться странным, потому что он использует в основном христианские термины; для других же, вероятно, второй вариант выглядит странно, потому что слова, используемые в нем, чужды традиционной русской лексике. Тем не менее оба эти варианта можно найти в современном исламском дискурсе русского языка, и, очевидно, оба имеют право на существование, т. к. выполняют определенные социальные и коммуникативные функции — «арабизм» передает тот смысл, который «русизм» не может полностью передать.

В то же время в двух текстах существуют различия. Так, в текстах, где преобладает «арабизм», в одном случае я использовал определенную форму в академической манере (та'ала), а потом, по татароязычной фонологии, (тагала), а потом, как точнее передается в русской орфографии, таала.

Оба варианта исламского социолекта русского языка, «русизм» и «арабизм», используются различными группами внутри исламского поля.

Русифицированные формы, как правило, доминируют в публикациях главных муфтиев; и это не удивительно — как публичные представители ислама они постоянно обращаются не только к мусульманам, но и к российскому обществу в целом, а также к РПЦ и государству. «Русизм» является более распространенной формой, чем «арабизм», и требует высокого профессионализма авторов (или их переводчиков и редакторов), чтобы исламское содержимое в русскоязычном тексте оказалось литературным. Тексты, написанные по второму варианту, в стиле «арабизма», как правило, используются при обращении исключительно к мусульманской аудитории, и еще более конкретно — внутри группы последователей соответствующего автора. Например, суфийский автор будет использовать «арабизм» в своих трудах для группы суфиев, а также салафитский писатель использует «арабизм», когда беседует со своими последователями. Из этого следует, что суфии и салафиты могут также обращаться друг к другу, используя «арабизм», когда становятся дискурсивными оппонентами. Массовое использование арабских терминов также происходит спонтанно, например в блогах, когда не так много внимания уделяется формальным правилам (или, возможно, лучше — когда альтернативные нормы создаются путем многократной практики). То же составление текста в «арабизмах» требует значительных навыков, особенно, конечно, хорошего знания арабского языка. Преимущество использования арабских терминов в русском тексте очевидно — использование арабского слова означает также поддержание всех семантических полей, перемещаемых с арабского слова; то есть при переводе не возникнет ограничение исходного семантического поля.

Этот вид переключения кода является двунаправленным упражнением: в варианте «арабизма» арабские термины оказываются в русском языке, а в варианте, который я назвал «русизмом», славянские религиозные термины переводятся в русскоязычный исламский код, где русские термины получают исламское значение. Эти формы переключения кода требуют высоких специализированных знаний, и рост степени кодификации свидетельствует, что исламский дискурс в течение последних 15 лет перешел на более высокий уровень, в частности посредством сотрудничества мусульманских деятелей с академическими учеными. Кроме того, многие современные исламские лидеры России имеют не только религиозную, но и ученую степень. Самый прекрасный пример этого — Рамиль Адыгамов, богослов и кандидат наук из Казани, который перевел несколько десятков исламских текстов на русский язык¹. И некоторые из этих авторов писали на разных языках, например на русском и татарском.

¹ См. *Адыгамов Р.К.* Габдрахим Утыз-Имяни ал-Булгари // Избранное. Казань: Татарское книжное изд., 2007, а также другие его публикации в исламском издательстве «Иман» (Казань).

В то же время мы видим, что определенное число исламских терминов, как кажется, уже не требуют какого-либо более подробного объяснения или перевода:

Передается, что Хьузейфа, радъыйаЛлаху ‘анху сказал: «нифакъ — это то, что было во время посланника Аллаха, съалляЛлаху ‘aleyхи уа саллям, а то, что сейчас — это уже куфр после имана»¹.

Думается, что эти основные термины ислама («иман», «куфр», «салат»/«намаз», «джамаат») также находятся на пути вхождения в мейнстрим словаря русского языка.

Code-Switching II: переключение с «русизма» на «арабизм» в одном тексте

Первое значение переключения кода, таким образом, связано с основным вопросом: использовать ли исламские концепты в русских формах (вариант «русизма») либо же адаптировать арабские термины к правилам грамматики и синтаксиса русского языка?

Многие авторы используют в полной мере оба варианта, обычно в различных разговорных/письменных ситуациях: когда текст адресуется широкой русскоязычной аудитории автор, возможно, захочет использовать форму «русизма», а когда говорит или пишет для определенной мусульманской аудитории или мусульманских читателей, он выбирает «арабизм».

При этом существует интересное явление — переход с «арабизма» на «русизм» в пределах одного текста или книги.

Для примера можно опять привести покойного Саида-Афанди Чиркейского, который в одной из его главных работ под названием «Сборник выступлений» пишет на варианте «русизма», но при этом иногда переключается на «арабизм», как, например, в этом отрывке²:

«Во время хатму лучше делать рабита или ма’ият? Нам велено делать рабита, поскольку на хатму людей, умеющих делать ма’ият, бывает немного, даже если таким можно читать ма’ият. Я не скажу, что это запрещено, но все же пусть каждый во время хатму делает рабита».

Переключение кодов в данном случае можно объяснить тем, что большая часть книги посвящена общим вопросам ислама и морали и адресована широкому кругу мусульманских читателей в Дагестане, в то же время именно эти главы посвящены ответам на вопросы, которые касаются конкретных суфийских практик и, таким образом, они адресованы только группе учеников Саида-Афанди. Автор может предполагать, что читатели этого отрывка знают используемые термины; другие же читатели не особенно нуждаются в понимании того, о чем рассказано в этом

¹ Пример взят из случайного кавказского салафитского сайта.

² Саид-Афанди аль-Чиркави. Сборник выступлений. Махачкала: Нуруль иршад, 2008. С. 194.

отрывке. Такие случаи переключения в рамках одного текста подтверждают нашу гипотезу, что использование того или иного варианта исламского русского языка (то есть, «русизма» или «арабизма») зависит от целевой аудитории.

Что теряется при переводе?

Но существуют и более широкие явления, которые выходят за рамки вопроса использования русских или арабских терминов для ключевых исламских понятий. В частности, при переводе с «традиционно мусульманских языков», таких как аварский или татарский, на русский язык, многие мусульманские коннотации теряются. Чтобы это продемонстрировать, я использовал другой текст вышеупомянутого Саида-Афанди.

Дело в том, что Саид-Афанди писал на своем родном аварском языке. Его тексты на аварском языке профессионально переводила на русский язык академически подготовленная команда переводчиков и редакторов. Давайте кратко рассмотрим один текст¹, опять же о богословских вопросах, сначала на русском, а затем на аварском языке:

«Что является подтверждением существования Бога?»

Подтверждением существования Бога является наличие окружающего нас мира с его явной (захир) и скрытой (батын) сторонами. Поистине, у каждой вещи есть свой создатель — тот, кто изготовил или смастерил ее. По-другому не бывает. Это в равной мере относится к солнцу, луне, звездам и всему сотворенному. У них тоже есть свой Создатель, ибо они не могли, как и все остальное в этом мире, возникнуть сами по себе. У всего сущего — один Творец — Всевышний Аллах, Который управляет всем и вся».

В этом тексте Саид-Афанди (или его переводчики) используют «русизм»: есть лишь несколько арабских терминов, включенных в русскоязычный текст; и когда необходимо использовать арабский термин, его указывают в скобках (например, такие термины как «захир» и «батын»)².

Сейчас давайте сравним этот перевод с оригиналом на аварском языке, который был написан непосредственно самим Саидом-Афанди .

«Суал: 3. Аллагъ вукӀин хӀакъ гъабулел далаилал щал?»

Жаваб:

Аллагъ вукӀин хӀакъ гъабулел далаилал руго гъаб гӀалам бати. Масала, жиб гӀуцӀарав, жиб гъабурав цо чи гъечӀого щибго жо батунгутӀи хӀакъаб буго. Зобал — ракъал, бакъмоцӀ, цӀваби, гъел гурел кинабго махлукъатги цо гӀуцӀарав, гъабурав чи гъечӀого жибго жиндасанго бижуларелӀул, гъеб кинабго жинца бижарав, киналӀулго тадбир жинца гъабулел халикъ Аллагъ вуго».

¹ Саид-Афанди *аль-Чиркави*. Сокровищница благодатных знаний. 2-е изд. Махачкала: Ихлас, 2002. С. 12.

² *Чикаса СагӀид афанди*, МажмугӀатуйӀ Фавайд. Суалал-жавабал. [Махачкала?], 2002. С. 5.

Я не знаю аварского языка, тем не менее могу с уверенностью сказать, что смысл аварского текста в значительной степени соответствует его переводу на русский язык; перевод был сделан близко к аварскому оригиналу. Но, как мы видим, аварский текст полон арабских заимствований даже для выражений, которые не обязательно имеют исламское значение: в данном примере это такие термины, как «су’ал» (ответ на вопрос), «дала’ил» (который переводится на русский как «подтверждение»), «хакк», «‘алам», «мас’ала», «макхлукат» и т.д.¹. В русских переводах эти более широкие исламские заимствования были переведены на русский язык, в котором арабский и, в конечном счете, исламский характер этих слов теряется. То есть, любой перевод религиозного текста с аварского (или с татарского)² на русский язык ограничивает и сокращает исламскую терминологию оригинала. При переводе текст лишается исламского терминологического фона.

Выводы

Примеры, которые были рассмотрены выше (выбранные достаточно случайным образом), привели нас к выводу, что чем больше терминов переводится из одного языка на другой, тем больше преобразуется текст, даже если текст по смыслу получается близким к оригиналу.

Переключение кодов происходит в первую очередь тогда, когда исламский автор решает писать на русском и когда ему приходится делать выбор между «русизмом» и «арабизмом». Оба варианта требуют значительных богословских и лингвистических навыков.

Мы также увидели, что переводы с аварского (и татарского) на русский никогда не могут воспроизвести полную сумму исламских коннотаций, которые скрыты в повседневных татарских и аварских выражениях. Таким образом, перевод производит изменение не только в терминологии и выборе исламских терминов, которые отображаются в конечном русскоязычном тексте, но также и в стиле языков-доноров, которые существенно изменяются, становясь более понятными в русскоязычном тексте.

В любом случае в этом процессе русский язык получает огромное число исламских заимствований в различных формах. И можно отметить, что совокупность основных исламских терминов стала настолько распространенной, что некоторые термины уже можно считать частью русской лексики.

¹ В цитате эти термины выделены мною жирным шрифтом.

² Ср. Галәвәтдин 2012 и Галәутдин 2012 (татарский и русский вариант одного текста с большими отличиями в стиле изложения).

Интересным вопросом для будущих исследований, конечно, является то, в какой мере авторы осознают свой выбор «арабизма» или «русизма»; как они развивают свои языковые стратегии. Можно предположить, что авторы печатных текстов (как редакторы, так и переводчики) в целом хорошо осведомлены о том, какой вариант «исламского русского языка» они хотят использовать.

Также интересно было бы определить, какими другими характеристиками обладает текст при переводе. Выше говорилось, что полный «русизм» приводит к ограничению оригинального семантического поля исламских терминов в «мусульманском» языке (имеется в виду, что из многих смыслов, который имеет арабский термин в арабском языке, выбирается для перевода только один, который, как полагают переводчики, соответствуют аналогу в русском языке). В «русизме» славянские религиозные термины, используемые для передачи исламских концептов, наследуют часть семантического поля, который данные термины имеют в церковнославянском языке (например, слово «духовенство» имеет другой контекст, чем «мулла/имам/муфтий/улемы»). Кроме того, я попытался показать, что во многих случаях «исламский словарный фон» в татарском и аварском языках теряется: это термины, которые являются основными элементами татарского и аварского языков, но которые не переведены на русский язык в религиозной форме, потому что смысл данного слова в этом конкретном контексте, в конкретной позиции в данном предложении не является религиозным. И в-третьих, русский перевод может изменить риторический стиль данного оригинального текста на татарском и аварском языках: это может даже переместить данный текст из одного жанра (хутба, советы по литературе) в другой, более нейтральный стиль.

Наконец, все эти процессы также должны быть изучены в устной речи, где можно предположить, что переключение кодов происходит гораздо более спонтанно (менее сознательно) и, таким образом, значительно чаще (широко распространен феномен, когда двуязычные ораторы переключаются с русского языка на татарский и обратно в одном и том же речевом акте). Аналогично можно предположить, что мусульманские спикеры могут также переключаться между «исламским социолектом» (как в варианте «русизма», так и «арабизма») и обычной русской разговорной речью. В равной степени достойны изучения еще такие вопросы, как можно ли наблюдать вертикальную стратификацию исламско-русского социолекта, в котором некоторые варианты имеют более высокий статус (или используются в более формальных случаях) чем другие. И на горизонтальном уровне русский «исламский социолект», надо полагать, также отличается от региона к региону под влиянием местных («мусульманских») языков в соответствующих субъектах Российской Федерации и за ее пределами, например, в Украине или Казахстане.

Перевод с английского: Данис М. Гараев (Амстердам).

Литература

Адыгамов Р.К. Избранное. Габдрахим Утыз-Имяни ал-Булгари. Казань: Татарское книжное изд., 2007.

Галәветдин И. 1 Китап: Ни очен кайгы килә? 2 Китап: Бәла-каза килгәнәдә. Яр Чаллы Тәүбә 2012/1433.

Галәутдин И. Книга 1: Отчего приходят беды и несчастья? Книга 2: Когда постигает несчастье... Набережные Челны: Тауба, 2012/1433.

Саид-Афанди аль-Чиркави. Сборник выступлений. Махачкала: Нуруль иршад, 2008.

Усеинова С.Р. На каком языке говорят мусульмане в России? // Ислам в России культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Т. Г. Туманян. СПб.: Санкт-Петербургский гос. университет, 2013. С. 106–114.

Чиркави С. Сокровищница благодатных знаний. 2-е изд. Махачкала: Ихлас, 2002.

Чикаса Сагид афанди. МажмугІатуль Фаваид (Суалал-жавабал) ([Махачкала?], 2002.

Bustanov A. K., Kemper M. *The Russian Orthodox and Islamic Languages in the Russian Federation* // *Slavica Tergestina: European Slavic Studies Journal*, 2013. No 15. P. 258–277.

Islamic Authority and the Russian Language: Studies on Texts from European Russia, the North Caucasus and West Siberia / A. K. Bustanov, M. Kemper, eds. Amsterdam: Pegasus, 2012.

Islam in polylog of religions and civilizations

RUSSIAN LANGUAGE OF ISLAM:
THE PHENOMENON OF CODE-SWITCHING**Michael KEMPER**

Ph. D., professor, Amsterdam Research
School for Transnational and European
Studies, University of Amsterdam
(134, Spuistraat, Amsterdam,
NL-1012 VB, Netherlands).
Email: m.kemper@uva.nl

Abstract. This paper raises a number of questions concerning the emergence of an Islamic version of the Russian language, which is referred here as the Russian Islamic sociolect. This sociolect has at least two major variants, which are described here as Russism and Arabism. Of special interest are processes of code-switching between these two variants, as well as the interaction between native Islamic languages in the Russian Federation (such as Tatar and Avar languages), as the donor languages of Arabic-origin terms for Islamic concepts, and the Russian language, the religious lexicon of which is largely based on the Church Slavonic language.

Keywords: Russian language, Islam, religious sociolect, Tatar language, Avar language.

